

Ирина Фалёва

Память
на
губах

18+

Ирина Фалёва
Память на губах

«Автор»

2026

Фалёва И.

Память на губах / И. Фалёва — «Автор», 2026

Семь лет назад Артём Волков был нищим мальчишкой, которого семья Анны Северской стёрла в порошок. Его избили и заставили исчезнуть, убедив Анну, что он продал их любовь. Она поверила. Она научилась жить с ледяным сердцем, став идеальной «золотой девочкой» своего отца. Сегодня он вернулся. Теперь он — беспощадный хищник, финансовый гигант, способный уничтожить империю Северских одним движением. Артём пришёл не за извинениями. Он пришёл за ней. Анна вынуждена стать тенью в его роскошном доме, отрабатывая долги семьи. Она ждёт мести и холода, но сталкивается с правдой, которая страшнее любого предательства. Оказывается, всё, во что она верила, было ложью, а единственный человек, которого она поклялась ненавидеть, — единственный, кто готов ради неё на всё. Сможет ли любовь возродиться из пепла сожжённых писем? И найдёт ли Артём силы простить ту, что когда-то не нашла сил в него поверить? В тексте: Властный герой и сильная героиня; Искупление и второй шанс; Чувственный Хэппи-энд.

© Фалёва И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог. Июль цвета индиго	5
Глава 1. Холодное золото	8
Глава 2. Стеклоклетка	12
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Ирина Фалёва

Память на губах

Пролог. Июль цвета индиго

Лето в тот год выдалось невыносимо долгим и пахло пыльной полынью, речной водой и дешёвым яблочным табаком, который Артём тайком курил за гаражами. Анне было семнадцать, и мир для неё до того момента ограничивался стенами элитной гимназии, строгим расписанием дополнительных занятий по английскому и холодным блеском столового серебра в доме отца.

Она была «фарфоровой принцессой» Северского, идеальным проектом, который готовили к престижному университету в Лондоне. Пока однажды у её велосипеда не слетела цепь на старой дороге у пригородного посёлка, где заканчивался асфальт и начиналась настоящая, пыльная и свободная жизнь.

Артём возник из этого марева — высокий, нескладный, с вечно взлохмаченными тёмными волосами и дерзкой улыбкой, от которой у Анны перехватило дыхание. На нём была застиранная майка и старые джинсы, испачканные мазутом.

— Ну что, принцесса, карета сломалась? — Его голос, тогда ещё ломающийся, переходящий из баса в юношеский тенор, заставил её вздрогнуть.

Он починил этот велосипед за пять минут, а потом они проговорили три часа, сидя на поваленном дереве у края оврага. Анна слушала его рассказы о моторах, о мечтах построить самый быстрый гоночный болид, о том, как он ненавидит правила и обожает скорость. В его глазах она видела то, чего никогда не было в её окружении — жизнь. Не имитацию, не этикет, а живой, обжигающий огонь.

Тайный сад

Их любовь росла в тени старых ив у реки, вдали от глаз охраны и ядовитых шёпотов. Артём ждал её каждый вечер у забора поместья. Он научился бесшумно перемахивать через двухметровую ограду, словно тень, проникая в её стерильный мир.

Анна помнила их первое свидание под старым мостом. Артём принёс ей букет полевых ромашек, обёрнутых в обрывок газеты. Для неё, привыкшей к корзинам голландских роз, эти цветы были дороже золота. Они ели одно мороженое на двоих, смеясь и пачкаясь, и это казалось высшим проявлением близости.

— Я выберусь отсюда, Аня, — шептал он ей в волосы, когда они сидели на крыше старого сарая, глядя на звёзды. — Я заработаю столько, что твой отец сам предложит мне твою руку. Я построю дом, где окна будут выходить на восток, чтобы ты просыпалась от солнца, а не от будильника.

— Мне не нужен дом, Артём, — отвечала она, прижимаясь к его плечу, пахнущему бензином и дешёвым мылом. — Мне нужен только ты. Хоть в палатке, хоть в лесу.

Он смеялся, и этот смех был самым прекрасным звуком, который она когда-либо слышала. В те мгновения им казалось, что их чувства — это монолит, который невозможно разрушить. Они обменивались клятвами, которые казались незыблемыми. Артём подарил ей старое кольцо из какой-то гайки, которое он сам отполировал до блеска. Она носила его на цепочке под одеждой, у самого сердца.

Память первого поцелуя

Тот поцелуй случился под проливным дождём в конце августа. Небо расколосось надвое, обрушив на город потоки воды, а они стояли в телефонной будке, тесно прижавшись друг к другу.

— Аня... — Его голос дрожал. Он коснулся её щеки, и его пальцы, загрубевшие от работы в мастерской, были нежнее самого дорогого шёлка. — Я никогда тебя не предаю. Слышишь? Что бы ни случилось. Даже если весь мир будет против.

— Я верю тебе, — выдохнула она, закрывая глаза.

Когда его губы коснулись её, мир перестал существовать. Не было больше Сергея Северского с его амбициями, не было Лондона, не было разницы в классах. Была только эта обжигающая нежность, вкус дождя и мяты на его губах. Эта память запечатлелась в ней на молекулярном уровне. Семь лет спустя она всё ещё могла вызвать это ощущение, просто закрыв глаза.

Это было время абсолютной веры. Артём был её героем, её рыцарем в засаленной косухе. Он обещал защитить её от всего мира, не зная, что главным врагом станет тот, кого она называла отцом.

Они планировали побег. Пакет с вещами был спрятан под старой ивой. Они должны были встретиться в полночь у старой пристани. Анна ждала его три часа под ледяным дождём, сжимая в руках ту самую гайку на цепочке. Но он не пришёл. Вместо него приехали чёрные машины отца, и Сергей Петрович со спокойной, жуткой улыбкой сказал:

— Твой герой выбрал деньги, Анечка. Пятьдесят тысяч долларов оказались весомее твоих клятв. Посмотри, вот расписка.

И Анна посмотрела. Она увидела знакомый, размашистый почерк Артёма и его подпись. В тот момент её сердце превратилось в кусок льда. Она не знала, что за этой распиской стоит дуло пистолета у виска матери Артёма и сломанные рёбра парня, которого в этот момент везли в лес.

Она просто поверила. Потому что боль была слишком острой, чтобы искать правду.

Если Анна в ту ночь умерла духовно, то Артёма ломали физически. Его выбросили из машины на пыльной обочине в соседней области, когда небо уже начало сереть. Боль в рёбрах была такой острой, что каждый вдох казался ударом ножа. Лицо превратилось в кровавое месиво, а правая рука, которой он подписал тот проклятый листок, безвольно висела плетью.

Он лежал в придорожной канаве, глядя на угасающие звёзды, и единственное, что не давало ему закрыть глаза и сдаться — это вкус её губ, всё ещё живой, вопреки запаху крови и пыли.

— Она ждёт... — хрипел он, пытаясь подняться. — Она всё ещё там, на пристани...

Он не знал, что в этот момент Анна уже смотрит на его поддельную расписку. Он не знал, что его мать, запуганная людьми Северского, уже пакует вещи, чтобы уехать к родственникам на Дальний Восток под охраной «благодетелей».

Первый год стал для него адом. Он оказался в промышленном портовом городе, где его никто не знал. С документами, которые Северский милостиво «разрешил» ему оставить, но с волчьим билетом в любой приличный сервис.

Артём работал грузчиком на складах, ночевал в бытовках и тратил каждую копейку на книги по экономике и праву. Он работал по восемнадцать часов в сутки, чтобы заглушить голос в голове, который спрашивал:

«Почему она не пришла? Почему не искала?»

О том, что Анна поверила в его предательство, он узнал лишь спустя два года, когда случайно увидел светскую хронику в старой газете:

«Наследница империи Северских блистает на балу в Лондоне».

В тот день в нём что-то окончательно перегорело. Нежность сменилась калёной, ледяной яростью.

— Ты думала, я продался, Аня? — шептал он, глядя на её смеющееся лицо на пожелтевшей бумаге. — Что ж, тогда я стану тем, кем ты меня считаешь. Я стану настолько дорогим, что твой отец не сможет меня купить. Он будет меня умолять.

Он начал с малого. Ремонтировал разбитые в хлам машины, перепродавал их, вкладывал деньги в рискованные акции. У него был дар — он видел уязвимости там, где другие видели монолит. Его мозг работал как идеальный механизм, лишённый эмоций.

Его жизнь превратилась в график. Семь утра — боксёрский зал, где он выбивал из груши остатки жалости к себе. Девять утра — офис. Полночь — чтение отчётов. Женщины в его жизни были, но они оставались лишь тенями, именами без лиц. Никто не мог стереть ту самую память на губах. Он вернул себе часы. Те самые, разбитые. Он заказал лучший механизм, вставил сапфировое стекло, но оставил вмятину на корпусе — как напоминание о том, сколько стоит верность в мире Северских.

Спустя семь лет он стоял перед зеркалом в своём офисе на сотом этаже. Перед ним лежал полный аудит активов Сергея Северского. Империя гнила изнутри. И Артём Волков был тем, кто пришёл нанести последний удар.

— Пора возвращаться домой, — произнёс он, поправляя галстук. — Пора напомнить тебе наш вкус, Аня.

Глава 1. Холодное золото

Вечер в отеле «Метрополь» пах тяжелым парфюмом, дорогим шампанским и фальшью. Анна поправила ляжку шёлкового платья цвета горького шоколада и сделала глубокий вдох. Корсет сжимал рёбра так сильно, что каждый вдох казался достижением — впрочем, в доме её отца, Сергея Петровича Северского, дышать свободно не полагалось никому.

— Улыбайся, Аня. Ты выглядишь так, будто идёшь на эшафот, а не на главный приём года, — прошипела мать, едва шевеля губами.

Маргарита Степановна поправила безупречное бриллиантовое кольцо, которое выглядело на её шее как сверкающий ошейник.

— Я просто устала от этого цирка, мама, — тихо ответила Анна, не глядя на неё.

— Этот «цирк» оплачивает твою жизнь. Сегодня отец объявит о слиянии с новым инвестиционным фондом. Это спасёт наши активы. Постарайся быть милой с гостями.

Анна кивнула, глядя на свое отражение в зеркале холла. В свои двадцать пять она выглядела безупречно: высокая, с бледной кожей и глазами цвета грозового неба. Но за этим фасадом скрывалась пустота, выжженная семь лет назад. В ту ночь, когда её заставили поверить, что Артём взял деньги её отца и уехал, даже не оглянувшись.

«Память на губах», — внезапно пронеслось в голове. Глупая фраза из старой песни, под которую они танцевали на выпускном. Она до сих пор чувствовала вкус того прощального поцелуя — вкус дождя, мяты и отчаяния.

Огромные двустворчатые двери банкетного зала распахнулись. Гул голосов мгновенно стих, оставив лишь приглушенный звон хрустала.

— А вот и наш спаситель, — громко произнёс Сергей Северский, выходя вперед с распростёртыми объятиями. — Дамы и господа, позвольте представить главу фонда «V-Holding» — Артём Волков.

Сердце Анны пропустило удар, а затем забило так сильно, что пульс отозвался в висках. Этого не может быть.

В дверях стоял мужчина. Это не был тот долговязый парень в поношенной косухе, которого она любила. Перед ней стоял хищник в идеально подогнанном костюме-тройке тёмно-синего цвета. Его плечи стали шире, взгляд — ледяным и расчётливым, а на скуле белел едва заметный шрам, которого раньше не было.

Он медленно обвёл взглядом зал, пока не остановился на ней. На долю секунды в его глазах вспыхнуло что-то первобытное, тёмное, но он мгновенно взял себя в руки.

— Рад встрече, Сергей Петрович, — голос Артёма стал ниже, в нем появились рокошущие, властные нотки. — Семь лет — долгий срок для ожидания.

Артём медленно шёл сквозь толпу, которая расступалась перед ним, как море перед Моисеем. Он принимал поздравления и пожимал руки, но его курс был неизменным. Он шёл прямо к Анне.

Она хотела сбежать, раствориться в тенях, но ноги будто приросли к паркету. Когда он остановился в шаге от неё, Анна почувствовала его запах — сандал и холодный металл. Совсем не тот запах, который она помнила.

— Здравствуй, Аня, — произнес он, и её имя в его устах прозвучало как смертный приговор. — Ты почти не изменилась. Всё так же послушно стоишь по правую руку от отца.

— Артём... — её голос сорвался. — Что ты здесь делаешь?

Он чуть наклонился к её уху, так что она почувствовала жар его дыхания.

— Я пришел забрать то, что принадлежит мне по праву. И нет, я не про акции твоего отца.

Он протянул руку и коснулся кончиками пальцев её нижней губы — мимолетное, почти невесомое движение, от которого по телу Анны прошла электрическая судорога.

— Ты до сих пор помнишь, — утвердительно прошептал он, глядя ей прямо в глаза. — Я вижу это по твоим зрачкам.

Танец на тонком льду

— Артём! Друг мой, не терзай мою дочь своими загадками, — раздался громкий, чуть вибрирующий голос Сергея Петровича. Он подошёл вплотную, по-хозяйски положив руку на плечо Волкова. — Аня у нас натура впечатлительная, вся в мать. Пойдём, нас ждут в малом кабинете. Нужно обсудить детали транша.

Артём не шелохнулся. Его плечо под рукой Северского казалось вылитым из чугуна. Он даже не взглянул на будущего партнёра, продолжая пристально изучать бледное лицо Анны.

— Детали подождут, Сергей Петрович, — отрезал Артём. Его голос был лишён всякой почтительности. — Оркестр заиграл вальс. Было бы преступлением лишить вашу дочь этого танца. Вы ведь не против?

Это не был вопрос. Это был вызов. Северский на мгновение замер, его лицо залила неестественная краска, но он выдавил улыбку:

— Разумеется, разумеется... Аня, дорогая, развлеки гостя.

Артём молча протянул руку. Его ладонь была широкой, сухой и горячей. Когда Анна вложила в неё свои подрагивающие пальцы, мир вокруг начал стремительно терять чёткость. Существовал только этот мужчина и его уничтожающая уверенность.

Он вывел её в центр зала. Музыка — тягучая, минорная — обволакивала их. Артём положил руку ей на талию, притягивая чуть ближе, чем позволяли приличия.

— Ты дрожишь, Аня, — прошептал он ей в самое ухо, когда они закружились в первом па. — Неужели я настолько страшен? Или ты боишься, что я сорву твою маску идеальной дочери?

— Зачем ты вернулся? — она наконец нашла в себе силы поднять на него взгляд. — Семь лет ты молчал. Ни письма, ни звонка. Ты взял те деньги и исчез!

Артём резко остановился, хотя музыка продолжала играть. Пары вокруг них продолжали движение, но они двое замерли, словно в эпицентре бури. Его пальцы на её талии сжались почти до боли.

— Взял деньги? — его глаза сузились, превратившись в две ледяные щели. — Так вот что он тебе сказал. Твой святой отец сообщил, что я продал тебя за пачку купюр?

— А разве нет? — Аня почувствовала, как к горлу подкатывает ком. — Ты уехал в ту же ночь.

— Я уехал в реанимацию, Аня. С тремя сломанными рёбрами и сотрясением, которое мне обеспечила охрана твоего папочки. А когда очнулся, мне доходчиво объяснили: если я ещё раз приближусь к тебе, ты узнаешь, как на самом деле выглядит семейный бизнес Северских. Изнутри. Из-за решётки.

Анна покачнулась. Пол под её ногами будто превратился в зыбучий песок.

— Это ложь... Он бы не смог...

— Твой отец — мастер иллюзий. Но сегодня шоу закончено. Я вернулся не за партнёрством, Аня. Я вернулся, чтобы забрать всё. И тебя — в первую очередь.

Артём отпустил её так внезапно, что она едва удержала равновесие.

— Жду тебя на террасе через пять минут. Если не придёшь — завтра утром твой отец станет банкротом. Выбор за тобой.

Он развернулся и пошёл прочь, оставляя её одну посреди сверкающего зала.

Анна шла по длинному коридору, и звук её каблуков по мрамору казался ей ударами молота по крышке гроба. Горло сдавливал невидимый обруч. Семь лет она жила в убеждении, что её предали, что её любовь была оценена в пачку хрустящих купюр. А теперь Артём — повзрослевший, ожесточившийся, пахнущий успехом и опасностью — заявляет, что всё это время она жила во лжи.

Она толкнула тяжёлую дубовую дверь, ведущую на закрытую террасу. Холодный ночной воздух мгновенно ударил в лицо, заставляя кожу покрыться мурашками. ОТЕЛЬ «Метрополь» возвышался над спящим городом, и отсюда, с высоты, огни машин казались медлительными золотыми жуками.

Артём стоял у самых перил, подставив лицо ветру. Он снял пиджак, оставшись в одной жилетке и белоснежной рубашке, рукава которой были небрежно закатаны до локтя, обнажая сильные предплечья. В его пальцах тлела дорогая сигарета, дым от которой рваными клочьями уносился в темноту.

— Ты пришла, — не оборачиваясь, произнёс он.

Это не был вопрос. Он знал, что она не посмеет ослушаться.

— У меня не было выбора, — Аня подошла ближе, но остановилась в паре метров, боясь попасть в зону его притяжения. — То, что ты сказал в зале... о больнице, об угрозах... Это правда, Артём?

Он медленно повернулся. Свет из панорамных окон падал на его лицо под острым углом, подчёркивая жёсткую линию челюсти и тот самый шрам на скуле.

— Ты прожила с этим человеком двадцать пять лет, Аня. Неужели ты до сих пор не поняла, на что способен Сергей Северский, когда дело касается его репутации и капиталов? — он сделал затяжку и выпустил дым в сторону. — Твой отец не просто выдал мне «выходное пособие». Он стёр меня из твоей жизни. Перехватывал мои письма, блокировал звонки. А когда я попытался прорваться к твоему дому, его псы объяснили мне правила игры.

Аня почувствовала, как по щеке скатилась одинокая горячая слеза.

— Почему ты не нашёл меня позже? Через год, через два?

— Я был никем, — Артём швырнул окурок вниз и резко шагнул к ней. — Избитый щегол из неблагополучного района с пустыми карманами. Что бы я тебе предложил? Жизнь в бегах? Я поклялся, что вернусь только тогда, когда смогу раздавить его империю одной рукой. И вот я здесь.

Он оказался так близко, что Анна увидела тёмные крапинки в его зрачках. Он протянул руку, и его пальцы, пахнущие табаком и горьким апельсином, коснулись её шеи, медленно поднимаясь к подбородку.

— Ты сказала, что у тебя нет выбора, — его голос упал до вкрадчивого шёпота. — Ты права. Твой отец заложил всё, Аня. Его счета заморожены, а те активы, что ещё дышат, теперь принадлежат моему фонду. Завтра он проснётся нищим. Если только...

— Если только что? — прошептала она, не в силах отвести взгляд от его губ.

— Если только ты не согласишься на сделку. Мне не нужны его извинения. Мне не нужны его деньги — у меня их больше, чем он видел за всю жизнь. — Пальцы Артёма сжались на её затылке, заставляя её чуть запрокинуть голову. — Мне нужна ты, Аня. На моих условиях. Ты переезжаешь ко мне. Завтра же.

— Ты хочешь купить меня? — в её голосе смешались гнев и невыносимая, сосущая тоска.

— Нет, — он криво усмехнулся, и в этой улыбке не было тепла. — Я хочу вернуть то, что у меня украли. Я хочу видеть тебя каждое утро и напоминать себе, ради чего я прошёл через ад. Ты будешь моей «памятью на губах», Аня. Осязаемой и настоящей.

Он склонился ниже, почти касаясь её губ своими. Анна зажмурилась, ожидая поцелуя — грубого, карающего или, наоборот, отчаянно-нежного. Но Артём лишь опалил её кожу горячим дыханием и отстранился.

— Машина будет ждать у твоего подъезда в девять утра. Не заставляй меня приходить за тобой лично. Тебе это не понравится.

Он подхватил пиджак и скрылся в дверях, оставив Анну одну в ледяной тишине террасы.

Истинное лицо

Анна влетела в зал, не чувствуя под собой ног. Музыка всё ещё играла, но теперь она казалась ей скрежетом металла по стеклу. Она нашла отца в окружении свиты — он смеялся, пригубивая коллекционный коньяк, и хлопал по плечу какого-то банкира.

— Папа, нам нужно поговорить. Сейчас же, — её голос прозвучал как хлыст.

Сергей Петрович недовольно повёл бровью, но, заметив бледность дочери и лихорадочный блеск в её глазах, кивнул спутникам и отошёл в нишу за тяжёлой бархатной портьерой.

— Аня, что за тон? Ты сорвала танец с главным инвестором и теперь...

— Ты бил его? — перебила она, глядя ему прямо в зрачки. — Семь лет назад. Ты приказал охране искалечить Артёма и угрожал ему тюрьмой, если он не исчезнет?

Смешинка в глазах отца мгновенно испарилась. Лицо Сергея Петровича окаменело, превратившись в маску чужого, пугающего человека. Он медленно поставил бокал на мраморную консоль.

— Я спас тебя от нищеты и позора, — процедил он, и в его голосе больше не было родительской теплоты. — Этот щенок заглядывал в твой рот только потому, что за твоей спиной стояли мои заводы. Я дал ему шанс уйти красиво. Он не понял. Пришлось объяснить на понятном ему языке.

— Ты лгал мне... — прошептала Анна, отступая на шаг. — Ты сказал, что он взял деньги. Ты заставил меня ненавидеть единственного человека, которого я любила!

— Любовь не платит по счетам, Анна! — отец вдруг больно схватил её за локоть, притягивая к себе. — Посмотри вокруг. Всё это — хрусталь, статус, твоё образование — держится на моих решениях. И если сейчас Волков требует тебя в качестве трофея за свои тридцать сребреников, ты пойдёшь и улыбнёшься ему. Потому что завтра, если сделка сорвётся, нас выкинут из этого дома на улицу. Ты меня поняла?

Анна смотрела на него и видела не отца, а расчётливого дельца, который только что подтвердил: она для него — просто ещё один актив. Ликвидный товар, который можно перепродать, чтобы закрыть дыру в бюджете.

— Ты чудовище, — выдохнула она, вырывая руку.

— Я реалист, — отрезал он, поправляя манжеты. — Умойся и вернись в зал. Мы должны дождать Волкова до подписания бумаг.

Анна не вернулась. Она прошла мимо матери, мимо шёпота гостей, вышла на парковку и села в свою машину. Руки на руле дрожали. Она понимала: Артём не спаситель. Он пришёл за мстостью. Но оставаться в доме человека, который построил её счастье на крови и лжи, она больше не могла.

В девять утра чёрный седан Артёма Волкова затормозил у её подъезда. Анна уже стояла на тротуаре с одним-единственным чемоданом. Она не оглядывалась на окна родительской квартиры.

Заднее стекло медленно опустилось. Артём, скрытый в полумраке салона, пристально наблюдал за ней.

— Быстро ты, — хмыкнул он. — Даже не попрощалась с папочкой?

— У меня больше нет отца, Артём, — сухо ответила она, садясь в машину. — Вези меня туда, где я буду отрабатывать твой «второй шанс».

Машина сорвалась с места, унося её в неизвестность.

Глава 2. Стеклянная клетка

Загородный дом Артёма находился в часе езды от города. Это было монументальное здание из тёмного камня и панорамного стекла, притаившееся среди густого соснового леса. Здесь не было ни цветов, ни уютных занавесок — только холодный минимализм и запах хвои.

— Проходи, Аня. Чувствуй себя... как в гостях, — Артём бросил ключи на консоль и обернулся. — Твои вещи уже подняли в спальню. В твою спальню.

Он сделал акцент на этом слове, и Анна почувствовала, как по спине пробежал холодок. Она стояла в центре огромной гостиной, прижимая сумочку к груди, словно щит.

— Ты обещал сделку, — её голос дрожал, но она старалась звучать твёрдо. — Где бумаги?

Артём усмехнулся, медленно расстёгивая верхнюю пуговицу рубашки. Он подошёл к массивному столу из морёного дуба и достал папку в кожаном переплёте.

— Ты всегда была отличницей, Аня. Любила правила и чёткие границы. Что ж, вот твои новые правила.

Он швырнул папку на стол. Анна подошла ближе. Каждая строчка контракта жгла глаза:

1. Срок действия: один год.

2. Обязанности: сопровождение Артёма Волкова на всех официальных мероприятиях, ведение его домашнего хозяйства (формально) и... полное отсутствие связи с семьёй Северских.

3. Главное условие: Анна обязуется не покидать территорию поместья без его личного разрешения.

— Это тюрьма, — выдохнула она, поднимая на него глаза. — Ты запер меня в лесу!

— Это безопасность, — отрезал Артём. Он подошёл вплотную, заставляя её вжаться в край стола. — Безопасность от лжи твоего отца и от твоих собственных глупых порывов. За этот год я вытрясу из тебя всю ту спесь, которой тебя обучили в твоём «высшем обществе».

Он взял ручку и протянул ей.

— Подпиши. И долги твоего отца будут выкуплены моим фондом. Он останется на плаву, хоть и без права голоса.

Анна взяла ручку. Её пальцы коснулись его ладони — горячей, живой, властной. На мгновение время замерло. В его глазах она увидела не только жажду мести, но и глубокую, не зажившую рану. Он ненавидел её за то, что она поверила отцу, и любил за то, что она — это она.

Она поставила размашистую подпись.

— Вот и всё, — Артём забрал документ. — А теперь иди наверх. Горничная приготовила ванну. Тебе нужно смыть с себя запах этого вечера.

Позже, когда дом погрузился в ночную тишину, Анна сидела на краю огромной кровати, завернувшись в шёлковый халат. Она прислушивалась к каждому шороху. Дверь тихо скрипнула.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.